

Сергею Рыбкину — легче...

(о дружбе, литературе и времени)

Василий Нацентов — студент факультета ГГиТ ВГУ, лауреат Исаевской премии и Международной премии им. В. Аксенова, член Союза писателей России и Союза писателей Москвы, Человек года Воронежской области по версии sm-news.ru. О том, как он дошёл до жизни такой, и есть это повествование.

Текст: Василий НАЦЕНТОВ
nacentov@mail.ru

В юности друзей у меня не было. Я ходил по полям и лесным полосам, снимал птиц, писал о них очерки в районную газету, изредка выезжал в областной центр — на конференции (с околонуучными работами о природе), фотовыставки, литературные чтения (стихи писал уже тогда, правда, от случая к случаю — понимал, наверное, их беспомощность перед наступающим со всех сторон временем). Жил, если не уйдя в себя, то почти растворившись в ветре и солнце, в переключках синиц.

Поступив на первый курс географического факультета, изменился мало. Лишь место дислокации стало другое: яблоневый сад между Шишкова и Ломоносова, Нагорная дубрава, по выходным — заповедник...

И только к весне, встретив Павла Пономарёва и Сергея Рыбкина, стал не то чтобы «чувствовать и мыслить поиному», но на что-то надеяться, верить в человека рядом.

Пономарёв — публицист, поэт, краевед, человек деятельный и статный, эдакая важная цапля при галстукe — на страницах журнала «Подъём» так вспоминает нашу встречу: «Весной ... я попал на День поэзии в Воронеже. Название громкое — праздник мелковатый. Прочитал свои стихи со сцены и познакомился с одним из поэтов.

...Бритоголовый, с навывлет простреливающими глазами цвета Байкала, колючий, он — одинокий, но самодостаточ-

ный — даже, самодовольный, шёл, поправляя растрепавшийся красный шерстяной шарф.

— Василий Нацентов, — представился он и добавил, — пять лет в экспедициях...»

Теперь у меня вполне приличная шевелюра, отцовский, красный и шерстяной, шарф я надеваю на прогулки по саду, а Пономарёв (он же — Лексеич: так, по отчеству, по-советски, мы называем друг друга) в этом году заканчивает факультет журналистики ВГУ. Хочет работать в редакции «районки» где-нибудь на Русском Севере — подальше от шипения машин, айфонов, расчётливости и злости. На окраине времени.

Сегодня в России удел поэта, как и положено миром, — та самая первородная, девственная эстетика природы и человека, любви и смерти. В этом смысле он уже не конкурирует с государством: не стремится к духовной власти над народом (если вообще когда-либо всерьёз занимался этим) и, будучи поэтом, совсем не обязан быть гражданином.

Всегда — в подполье, вне нарочитого эстетизма современности.

С настоящим поэтом неумело и по-детски не совпал, из прошлого, как птенец из гнезда, выпал, а в будущем существует, по известному стихотворению Георгия Иванова, цветком, который становится мелодией, ветром, весенним мотыльком и, в конечном итоге, Лермонтовым, звенящим серебряными шпорами.

Выросши в интеллигентной, ещё советской, семье, я мечтал быть похожим на шестидесятников: пóнятым, красивым, читающим стихи перед огромным стадионом... Получилось же всё наоборот: хоть забирай любимую и книжный «шкап» и живи в лесной избушке.

Марина Цветаева, противопоставляя Маяковского и Рильке, говорила о том, что первого время заказало, а второго — вызвало. Это принципиальная разница. Маяковский сегодня непредставим. Как и шестидесятники, кстати. Нет идеи. Нет веры. Ничего, строго говоря, нет. Безвоздушное пространство.

А своровать воздух неоткуда: мировое — в бóльшем — западное — опошлено, исконного, нашего, русского (начала после семнадцатого, потом и после 90-х годов), можно сказать, не осталось.

Сергей Рыбкин, Василий Нацентов и Павел Пономарёв

Из одного вышли, да в другое не пришли.

Сергею Рыбкину — легче. Он как бы «мимикрировал» под современность и держит нас с Пономарёвым на плаву. Заканчивает магистратуру экономического факультета, пишет стихи на компьютере, работает в банке, заставляет покупать не портвейн «Три семёрочки», а хотя бы крымское вино.

Но немногие знают настоящего Рыбкина — весеннего и раннего, страстно любящего книги, тишину и вечерний чай. Наверное, именно благодаря сложности, многообразности и в некотором роде неоднозначности его личности и сформировался уникальный поэтический талант.

С ним мы рука об руку.

Выйду утром в сад — звоню ему: «Рыба, начинается снег! Ветер западный. Скоро в твоём Боровом пойдёт. Садись стихи писать...»

Он мне посвятил:

*О поломанном лесе,
торчащем из пыльных окон,
о водке, товарище верном,
измятой сигарке —
берёзы, как свечки потухшие, возле икон,
а наши стихи, как коллекционные марки...*

Про марки — это точно. Только за прошедший год закрылись журнал «Октябрь» (один из старейших в России), где меня печатали и любили, журнал «Арион», главный редактор которого всё повторял: «Вася, поэзия — это чудо! Поэтому всё будет хорошо!..»

Верно написала Мария Гáлина из «Нового мира», говоря о положении литературных дел: «У меня такое ощущение, что мы сидим в доме, где пламя уже подбирается к занавескам, а мы всё продолжаем обсуждать их узор и качество ткани...»

В Воронеже, впрочем, не так печально. Журнал «Подъём» (я считаю, лучший из региональных) плодотворно работает уже восемьдесят восьмой год, замечательным ежемесячным приложением к нему выходит журнал «Мысли(!)», в прошлом году образовался (один из первых в стране) Совет молодых литераторов, при Союзе писателей России есть литературная студия «Современник», которую ведёт Зоя Константиновна Колесникова — наша, воронежская Ахматова.

И всё-таки нужно понимать, что мы — и сами по себе, и сами для себя. Мир, изменившийся до неузнаваемости, просто-напросто не замечает нас. И в ближайшей перспективе не заметит. Но в этой безысходности даже приятнее взять в руки книгу, прийти в гости к другу, читать стихи, спорить, петь Муслима Магомаева и, пережив глухую воронежскую ночь, написать, как Пономарёв, — «А утром я — советский, старый, трезвый...»

В марте исполняется два года (или двадцать лет — мы придумали, а может, так оно и есть — год за десять идёт) нашей жизненной и поэтической дружбе, без которой, наверное, не было бы ни Совета молодых литераторов при Союзе писателей, ни творческих экспедиций по России, ни времени — противоречивого, странного, бесформенного. Нашего времени, которое, как родителей или страну, не выбирают.

Полезный инструктаж

Александра ПОПОВА,
ведущий специалист
по воспитательной работе УСЖК
popova-aleksandra94@mail.ru

27 февраля инспектором Отдела надзорной деятельности по Коминтерновскому и Центральному району г. Воронежа Главного управления МЧС России по Воронежской области в общежитии № 7 проведено занятие для иностранных студентов по обеспечению противопожарной безопасности при нахождении и проживании в общежитиях повышенной этажности.

Сотрудник ведомства Евгений Ершов рассказал студентам о наиболее частых причинах возгораний, а также разъяснил, какие действия необходимо предпринять в случае, если пожар произошёл. Кроме того, присутствующим напомнили, что залогом сохранения жизни и здоровья является соблюдение норм и правил пожарной безопасности.